

Историческая записка о Совете в царствование императрицы Екатерины II-й Иларион Алексеевич Чистович

При государственной Канцелярии, по особому Высочайшему повелению, составляется, под главной редакцией сенатора Н. В. Калачова, систематическое описание архива Государственного Совета. В конце минувшего 1869 года издан первый том этого описания, в двух частях, содержащих в себе систематическое извлечение из протоколов Совета, бывшего в царствование Императрицы Екатерины II. При всеподданнейшем представлении Государю Императору сего труда, поднесена была на благоусмотрение Его Императорского Величества составленная, по поручению Государственного Секретаря, помощником главного редактора Н. А. Чистовичем, историческая записка, которая заключает в себе общие сведения о Совете в царствование Императрицы Екатерины II и сокращённое изложение содержания главнейших отделов изданного тома.

Государь Император, в высочайшем внимании к важности содержания описания архива, как исторического памятника, разрешив обращение оно в продажу, соизволил и на напечатание издаваемой ныне исторической записки.

Учреждение Совета

Совет, учреждённый Императрицею *Екатериною II*, принадлежит к разряду тех высших установлений, в которые особым доверием Государей, её предшественников, призываемы были знатнейшие сановники государства к совещаниям о важных делах внутренних и внешних. Таковы были: в период Древней России – Царская Дума; при Императоре *Петре I* – Ближняя Канцелярия; при Императрице *Екатерине I* и Императоре *Петре II* – Верховный Тайный Совет; при Императрице *Анне* – Кабинет Её Величества; при Императрице *Елизавете* – Конференция при Высочайшем дворе. Таким же установлением был и Совет при Императрице *Екатерине II*.

Учреждённый при начале первой турецкой войны и ближайшим образом для обсуждения всех дел, относящихся к ведению этой войны, Совет сначала имел вид чрезвычайного собрания, в котором председательствовала Сама Императрица и своими устными и письменными предложениями назначала предметы для рассуждений. Таких собраний было 10-ть (с ноября 1768 по 22-е января 1769 г.). Но уже в январе 1769 г. Совет получил вид постоянного установления, в которое стали вноситься постепенно не только дела, касавшиеся войны и мира, но сверх сего и всеподданнейшие доклады, реляции и другие бумаги о событиях особенной важности в пределах России, а также вопросы по части финансов и вообще по внутреннему как военному, так и гражданскому управлению. Равным образом Совету были предъявляемы манифесты и указы Императрицы, которыми возвещались важные преобразования и призывались к жизни разнообразные учреждения, составившие славу Её царствования.

С самого учреждения Совета, в круг его рассуждений входили дипломатическая переписка и сношения России с иностранными государствами и народами. Важнейшую часть их составляли: сношения России с Пруссией и Австрией по польским делам перед первым и вторым разделом Польши; сношения с державами, предлагавшими свой посредничество в примирении России с Турцией и Швецией; Крымские дела; наблюдение за образом действий и движений сопредельных с Россией народов магометанского закона (горских закавказских племён, персидских владельцев, Киргиз-Кайсаков и проч.), постоянно возбуждаемых Портою к нападению на Россию, и наконец сношения с Бухарой, Ташкентом, Китаем и Японией.

Высочайшие повеления объявляемы были Совету или Самою Императрицею устно или в записках. Последние выражали или прямо Её волю или желание обратить внимание членов Совета на какой-либо предмет, в первом или третьем лице: «Моё желание есть...» «Ея Величество Рассуждает...» Когда Императрица не присутствовала в Совете, то протоколы подносимы были на Её воззрение. Некоторые возвращаемы были в Совет с собственноручными отметками против статей, обративших на себя Её особенное внимание, и с утверждениями Императрицы, выраженными в словах: «быть по сему».

Императрица, и после преобразования Совета в постоянное учреждение, очень часто Сама присутствовала в нём и предлагала предметы для обсуждения, особенно во время военных действий с Турцией и Швецией, в труднейшие моменты войны, при особенно важных дипломатических сообщениях, также во время моровой язвы и пугачёвского бунта. Государыня обыкновенно приходила к началу собрания, а иногда входила в середине собрания, и, сделавши предложение или выслушавши доклад, уходила, предоставляя собранию продолжать свои рассуждения. Если в рассуждениях Совета, в отсутствии Её, постановлялось что-нибудь, выходящее из круга известных Ей предположений и распоряжений, то в следующее собрание Она приходила в Совет и требовала объяснения по тому предмету.

Присутствуя в Совете, Императрица не только внимательно выслушивала мнения, но и противоречия Её собственным мыслям. В 1773 г., при рассуждении о даче из банка в займы денег, генерал-фельдцейхмейстер граф Г. Г. Орлов возразил, что этим расстраивается существо банка. Императрица отвечала, «что употреблением из банка только с небольшим миллиона нельзя его расстроить, и что впрочем Ея Величество, обещав при учреждении сего банка манифестом – пецись о целостности оного, в том ответствует. И когда генерал-фельдцейхмейстер извинялся в представлении по тому своих мыслей, Государыня отвечала, что Ей всегда угодно, чтоб всяк не только свободно открывал свои мнения, но и оспаривал также Её собственные, потому что сим средством можно доходить до истины» (9-го августа 1773 г.)

Состав Совета

Членами Совета, при Императрице *Екатерине II*, были знаменитейшие Её сподвижники. При первом образовании Совета, в состав его назначены были: фельдмаршал граф Кирилл Григорьевич Разумовский, граф Никита Иванович Панин, князь Александр Михайлович Голицын, князь Михаил Никитич Волконский, граф Захар Григорьевич Чернышёв, граф Пётр Иванович Панин, граф Григорий Григорьевич Орлов, князь Александр Алексеевич Вяземский и вице-канцлер князь Александр Михайлович Голицын. После того, частью во время первой турецкой войны, частью в промежуток времени между первой и второй турецкими войнами, назначены были в Совет членами: граф Иван Григорьевич Чернышёв, генерал, впоследствии князь, Григорий Александрович Потёмкин, граф Иван Андреевич Остерман, фельдмаршал граф Пётр Александрович Румянцев и граф Александр Андреевич Безбородко. Кроме этих, относительно немногих назначений, Совет не пополнялся новыми членами, так что ко времени второй турецкой войны в нём осталось только четыре члена. А потому, при начале войны, Совет, по своему личному составу, получил новое образование. В это раз членами его назначены были, сверх наличных четырёх (князя А. А. Вяземского, графа И. Г. Чернышёва, графа И. А. Остермана и графа А. А. Безбородко), граф Яков Александрович Брюс; воспитатель Великих Князей *Александра и Константина Павловичей*, Николай Иванович Салтыков, впоследствии князь; граф Валентин Платонович Мусин-Пушкин, граф Андрей Петрович Шувалов, граф Александр Романович Воронцов; тайные советники: Степан Фёдорович Стрекалов и Пётр Васильевич Завадовский (впоследствии граф) и Александр Николаевич Самойлов (впоследствии граф). Принимая участие в общих рассуждениях и действиях Совета, каждый из них, как начальник отдельной части, ближайшим предметом в Совете имел дела своего управления.

Назначенные в Совете членами давали обязательство (присягу) хранить в тайне рассуждения Совета, которое и было подписано первыми членами при учреждении Совета, как постоянного учреждения, а последующими подписывалось при вступлении каждого из них в это звание.

Кроме того в Совет приглашаемы были, для совещаний, разные лица, специально знакомые с делами, подлежащими обсуждению Совета, именно: члены Адмиралтейской коллегии и командующие флотами

адмиралы по делам морских экспедиций; генерал-кригс-коммисар – по части продовольствия армии; инженеры – по части укрепления крепостей; директор банка – по делам банка; статс-секретарь Теплов – по делам о пошлинах и налогах и по устройству вновь присоединённых к России губерний; лейб-медик Ореус – при рассуждениях и прекращении моровой язвы, и другие. В протокольной записи о них употреблялось стереотипное выражение: «впущен был в Совет такой-то». Граф Алексей Григорьевич Орлов присутствовал в Совете всякий раз, когда был в Санкт-Петербурге, для совещания о действиях Архипелажской экспедиции.

Дни собраний Совета

При самом учреждении Совета, как постоянного учреждения, для собраний его назначены были два дня в неделю, понедельник и четверг; а съезжаться положено в 10-м часу утра; но, кроме этих урочных дней, собрания иногда созываемы были в неурочные дни, по Высочайшим повелениям Императрицы, иногда даже два раза в день, по утру и в вечеру. Во время отбытия Императрицы в летние резиденции (Царское Село и Петергоф), Совет собирался один раз в неделю, именно в понедельник, там, где Государыня имела пребывание, а в четверг – в С.-Петербурге.

Протоколы Совета

Рассуждения Совета заносимы были в протоколы, которые и подписывались в следующее собрание всеми присутствующими членами. Протоколы Совета, заключа в себе его действия в течении почти всего царствования *Екатерины II* (начиная с 1768 по 1796 г.), обильны сведениями по внешним сношениям того времени и по разным частям внутреннего управления, сведениями, тем более драгоценными, что они нередко выясняют самые побуждения, которыми руководствовалось правительство для известных действия и распоряжений. Давая возможность полнее уразуметь причины и значение многих событий столь обильного событиями царствования *Екатерины II*, они с сознательною отчётливостью рисуют самое лицо Императрицы, свидетельствуют о высоких качествах Её ума и сердца, и выясняют то благотворное влияние, какое имело на ход управления личное участие Её в обсуждении важнейших дел, в кругу знаменитых государственных людей, которых Она избирала Своими советниками и ближайшими исполнителями Своих предначертаний.

Систематическое описание протоколов Совета

Изданный Государственной канцелярией, с Высочайшего соизволения, том, заключающий в себе систематические извлечения из протоколов Совета в царствование Императрицы *Екатерины II*, по различию предметов, подлежавших обсуждению Совета, разделяется на два отделения: историческое и юридическое. Первое обнимает военные действия, дипломатические сношения России с иностранными государствами и некоторые, особенно важные, внутренние события царствования Императрицы *Екатерины II*. Второе отделение заключает дела, относящиеся к законодательству, суду, финансам и другим отраслям текущего гражданского и военного управления.

I. Отделение историческое

В состав этого отделения вошли следующие главные предметы: первая турецкая война и первый раздел Польши; морская язва; казацкие бунты и Пугачёв; вторая турецкая и шведская войны; польская война; второй и третий разделы Польши; рассуждения Совета и мероприятия по поводу французской революции.

I. Первая турецкая война

Первая турецкая война была первой войной в царствование Императрицы *Екатерины II*. Ряд относящихся к ней протоколов Совета представляет с одной стороны бесчисленные и крайние затруднения, политические и финансовые, с которыми Россия должна была бороться и которые должна была преодолевать во время этой войны, с другой – всё более и более распространяющиеся виды России на выгоды от победы над Турками.

Первые действия Русских в этой войне были слабы и нерешительны, средства к ведению войны недостаточны, цели – недовольно определённые; в распоряжениях главнокомандующих не было единодушия, в действиях армий – согласия и направления к одной цели. Совет должен был, в одно и то же время, заботиться об укомплектовании армий рекрутами и снабжении их оружием, об изыскании денежных средств к продолжению войны, об установлении общего плана для военных действий, наблюдая в то же время за каждой подробностью его исполнения, и наконец, на дипломатическом пути, располагать в пользу России европейские дворы, устраняя по возможности вредные влияния тех дворов, которые уже открыто были на стороне Турции.

Молдавия и Валахия

Другой год войны был счастливее первого. После нескольких удачных действий русской армии, во власти России было уже несколько турецких крепостей и две целые области – Молдавия и Валахия. Первоначально в видах Русского правительства было удержать их за собою, и Императрица по этому поводу предлагала Совету: «Молдавия и невыжженная часть Валахии уже несколько месяцев в наших руках; но о их правлении, сборах и прочем ещё ничего не положено, и все люди, кои там в диване или инако губернаторами, или и другие дела отправляют, по турецкой аукторизации, а не по нашей. Если сие не противно порядку, то по крайней мере не сходно с благопристойностью. И так надлежит рассуждать и самым делом положить, как быть там от сего времени: чего я от Совета требую» (11-го марта 1770 г.). Поэтому было рассуждаемо, что «рассмотрение сего должно оставить до тех пор, пока все сих провинций депутаты сюда приедут и в ту пору, выслушав их, оное сделать». Но впоследствии изменившееся положение дел отклонило Правительство от видов на сии области обративши их на другую сторону, гораздо более привлекавшую внимание России. Это был Крым с его татарским населением.

Татары

Первоначальная политика Русских в отношении к Крымским Татарам состояла в том, чтобы возбуждать и склонять их не к Русскому подданству, а только к независимости и отложению от турецкой власти. Совет рассуждал, что «Крымские и другие под властью их хана находящиеся Татары, по их свойству и положению, никогда не будут полезными подданными Ея Императорского Величества, и по первому никакие с них порядочные подати собираемы быть не могут, а по второму и к обороне границ Ея служить не будут: ибо с той стороны не будет уже никакого соседа, который бы покусился нападать на Российские границы, и напротив того таким непосредственным себе подданством Россия возбудит против себя общую и небезосновательную зависть и подозрение о беспредельном намерении умножения своих областей; что от сего однако ж предостерегаться благоразумие научает, а особливо тут, где никакой знатной и существенно пользы обещать себе невозможно, ибо татарские народы суть такого свойства, что они за одно имя подданства считают иметь право всего требовать в свою одну пользу, в чём их и самое с Турками единоверие не ограничивает; услуги же свои и пользу для других в том только поставляют, что живут спокойно и не разбойничают; что как мало для России пользы из подданства сего полуострова и с принадлежащими ему другими татарскими ордами, так, напротив того, велико и знатно быть может приращение силам и могуществу Российским, если они отторгнутся от власти турецкой и оставлены будут навсегда с собою в независимости, ибо единым уже сего средством возможно, так сказать, что Оттоманская Порта, в рассуждении непосредственно самой России, её границ и соседства, в небытие моральное претворится; что потому надлежит принять решительную резолюцию не класть оружия, хотя бы то стоило излишней кампании, пока Порта не признает торжественно в своём с нами мирном договоре независимую областью Крым с принадлежащими к нему Татарам». В этом смысле поручено было графу П. И. Панину вести негоциацию с Татарам, располагая их не к подданству, а к независимости (15-го марта 1770 г.). Вместе с этим поручено ему было помогать и требовать, дабы они приняли наш гарнизон в некоторые свои крепости и отдали бы нам одну морскую гавань на крымском берегу. Императрица прибавила к этому: «не менее нам необходимо нужно иметь в своих руках проход из Азовского в Чёрное море, и для того об нём помогать надлежит» (15-го марта 1770 г.)

Последствием этой неготиации было то, что уже в конце 1770 года от Порты отложились Буджакские и Эдисанские Татары, жившие в степях нынешней Екатеринославской и Херсонской губерний: они перешли на новые места, указанные им Русским правительством, именно на Кубанскую сторону около Азова. Киевскому, малороссийскому и слободскому губернаторам предписано было оказывать им всякое вспоможение и принимать их монету до будущего установления (8-го ноября 1770 г.). Депутаты этой орды допущены были на Высочайшую аудиенцию, «дабы показать тем, что они, низложив турецкое иго, сами требуют покровительства Ея Величества» (14-го февраля 1771 г.).

Затем дошла очередь до Крымских Татар. В июне 1771 г. Князь Долгоруков прошёл Крым с оружием в руках и в конце июля доносил о подписании Крымцами акта дружбы и о назначении ими посланцев в С.-Петербург. Совет рассуждал, «что отторжение Татар от Порты может почтяться самым важным приобретением, какого мы от сей войны ожидать имели; что Порты, если намерена возратить потерю Крыма, не может уже помышлять о том ныне» (25-го июля 1771 г.).

Известно, что это предуказание Совета сбылось: Кучук-Кайнарджийским трактатом Порты признала независимость Татар Крымских, Буджакских и Кубанских.

Предложения о мире

Но эти приобретения и победа доставались России не даром. Три года непрерывной войны, напряжения, при неизвестности будущего, которое могло угрожать ещё худшим положением дел, приводили государство в изнеможение. Поэтому Совет охотно принимал посредничество иностранных дворов, предлагавших свои услуги к примирению России с Турцией. Совет соглашался даже на некоторые уступки из того, что уже приобретено нашим оружием; но Императрица писала, что «если при мирном соглашении не будет одержана независимость Татар, ни кораблеплавание по Чёрному морю, ни крепости в проливе из Азовского в Чёрное море, то со всеми победами не выиграли мы ничего, и что такой мир будет в рассуждении обстоятельств столь же постыден, как Прутский и Белградский» (25-го октября 1772 г.). Турция соглашалась уступить России только торговое мореплавание на Чёрном море. Императрица по этому поводу писала, что «кораблеплавание на Чёрном море Россия требует свободное, что по толь славной войне, каковую имели мы с Турками, было бы предосудительно Империи и собственной Ея славе сносить их предписания» (3-го января 1773 г.). Напрасно Совет представлял, что лучше согласиться на ограниченное кораблеплавание, нежели допустить Турок «опять в Крыму вкорениться», что, имея торговые суда можем всегда в случае надобности обращать их в военные, что и с сими пределами мир нам славен и полезен будет, и что весьма прискорбно было б, если б сие только могло ещё разорвать негоциацию и возобновить войну, а особливо в такое время, когда мы находимся в критическом с Швецией состоянии. Императрица отвечала, что «опасаясь Шведов, сомневаемся мы о собственных своих силах, и что она не согласится на перемену своего о кораблеплавании соизволения, пока Совет не представит иных причин, более к тому побуждающих» (3-го января 1773 г.).

Однако Императрица, хотя не изъявляла согласия на уступки, но не оставляла также без внимания тягостей, причиняемых продолжением войны, и выражала желание о скорейшем достижении мира. Взгляд Её подробно высказан в предложении Совету 19 августа 1773 г., по поводу приготовлений к кампании 1774 года. «Требуется Вы от меня рекрутов для комплектования армии» – писала Императрица. «От 1767 г. сей набор будет, по крайней мере, и сколько Моя память Мне служит, шестой. Во всех наборах близ трёх сот тысяч человек рекрут собрано со всей империи.

В том Я с вами согласно думаю, что нужная оборона государства того требует. Но со сжиманием сердца по человеколюбию, набор таковой всякий раз подписываю, видя наипаче, что оные для пресечения войны по сю сторону бесплодны были, хотя мы неприятелю нанесли много ущерба и сами людей довольного числа лишились. Из сего естественно родится может два вопроса, которые Я себе и вам сделаю: первый – так ли мы употребляли сих людей, чтоб желаемый всем мир мог приблизиться? Второй: после сего набора что вы намерены предпринимать к славе Империи, которую ни в чём ином не ставлю, как в пользу её? Оставляя говорить о прошедших лаврами увенчанных кампаниях, кои неприятеля принудили к мирным переговорам, в ответе на первый сделанный Мною вопрос скажу о настоящем положении дел, что, к сожалению, Моему, вижу Я, что сия компания повсюду бесплодно кончится, или уже кончилась, и осталось нам помышлять, не теряя времени, о будущем. Дабы очистить второй Мною сделанный вопрос, Я повторяю, чтоб, не теряя времени помышлять о том, что в предбудущую кампанию предпринимать нам за нужно почтено будет, разве за полезно почтёте, чтоб сухопутные и морские наши против неприятеля силы остались точно в том положении, в каком ныне находятся: положение не действующее, которое Я за полезное для приближения желаемого нами мира не почитаю, и которое, по Моему мнению, нам скорее вторую сзади войну нанесёт, нежели настоящую прекратить. Из рекрутского, Мне предлагаемого вами, набора заключаю Я, что вы упражняетесь снабжением армии. Напомнить Я за нужно вам нахожу, дабы вы Азовского моря эскадру из памяти не выпускали и оною по возможности привели в наиудобнейшее для дел состояние. Что же касается флота в Архипелаг, о том вам ныне предложены будут реляции, с двумя курьерами полученные. Но наипаче вас прошу и вам повелеваю, со всякою ревностью и усердием стараться, единодушно сделав план, снабдить к будущей кампании всех разных командующих силами нашими такими постановлениями, дабы они вообще нашлись в состоянии действовать против общего неприятеля, и наши употреблённые к тому силы к одному бы предмету ведены были, то есть к достижению блаженного мира, в чём да поможет нам Всевышний. Ещё раз весьма вас прошу, чтоб всё сие не осталось при сих на бумагу написанных словах» (19-го августа 1773 г. ч. II, стр. 23–24).

Между тем Совет всё настаивал на системе уступок и соглашения.

В 1774 г., когда Венский двор снова предложил своё посредничество на условиях возвращения Туркам Керчи и Эникале и ограниченного кораблеплавания, и граф Н. И. Панин склонял принять эти условия, Совет,

«познавая сущую государственную надобность скорейшего возвращения отчеству тишины и мира, приступил к представлению графа Панина, яко к последнему пределу, споспешествующему мирное дело». Один только граф Г. Г. Орлов возразил, что предлагаемые кондиции не довольно удовлетворительны (10-го марта 1774 г.). Правительство уже начало было переговоры с визирем, но победы Румянцева при Базарджике, графа Салтыкова у Туртукая и Суворова у Козелджи, доставили России не только желанный, но и славный мир.

II. Польские дела

Одновременно с первою турецкою войною и вызванными ею переговорами, внимание Русского Кабинета было обращено на дела Польского королевства, где Русской политике, совместно с Австрией и Пруссией, суждено было достигнуть результатов первостепенной важности. Протоколы Совета заключают в себе некоторые данные по этому предмету, которых исследователь последней судьбы Польши не может оставить без внимания.

Положение дел и Русская политика в Польше

1) При князе Н. В. Репнине

С 1764 года, когда на Польский престол возведён был Русской Императрицей Станислав Август Понятовский, влияние России в Польше казалось упроченным; но вскоре советы Черторьских, дядей Понятовского, увлекли короля на сторону политики, враждебной России. При таких обстоятельствах, Русскому послу в Варшаве, князю Н. В. Репнину, удалось составить генеральную конфедерацию из лиц, преданных России. В главе их стоял князь Карл Радзивилл. Конфедерация приняла во всей силе требуемые Россией прерогативы (генеральное поручительство и уравнивание православных с католиками в гражданских правах) и отправила в этом смысле грамоту к Императрице. Сейм 1767 года сначала, под влиянием краковского епископа Солтыка, отказался было признать эти прерогативы, но в составившейся после того Сеймовой Комиссии для окончательного решения дела о восстановлении гражданских прав диссидентов, которых добивалась Россия, эти права были признаны и утверждены республикой (13/24 февраля 1768 г.). Вследствие этого русские войска вышли из Варшавы. Но злоба и религиозный фанатизм поляков снова повергли диссидентское дело и вообще Польский вопрос в борьбу случайностей. В Польше слова начались волнения, беспорядки, оскорбления православных и враждебные действия против России. Репнину предписано было принять меры против восстания, разлившегося по всей Польше. Между тем началась турецкая война и отвлекла русские силы. Россия не могла объявить Польше войну, довольствуясь преследованием конфедератов, как врагов республики. Настойчивость Репнина, при недостаточной материальной силе, могла только повредить делу и отдать Польшу в руки первого напросившегося союзника. В виду этого в конце 1768 года, Репнин был отозван и на его место назначен послом князь М. Н. Волконский.

2) При князе М. Н. Волконском

Пред назначением нового посла в Варшаву, в самом начале турецкой войны, «граф Г. Г. Орлов спрашивал в Совете изъяснения причин, какие привели Польшу восстать против России. Граф Н. И. Панин изъяснил все эти причины и притом объяснял, какие из этого вышли замешательства. Затем сделан был вопрос, не можно ли изыскать каких-нибудь средств для усмирения и восстановления покоя в Польше и для приведения оной на сторону России. В ответе на это граф Н. И. Панин прочёл декларацию, посланную в Польшу проектом для восстановления тишины». «По этому поводу, – сказано в протоколе Совета, – происходили разные политические рассуждения» (14-го ноября 1768 г.) Это первое упоминание о Польше в протоколах Совета. Может быть, в связи с этими рассуждениями, содержание которых остаётся неизвестным, и было назначение Волконского. После того в Совете, в продолжении нескольких заседаний, граф Н. И. Панин читал инструкцию вновь назначенному послу.

Между тем Польша, предчувствуя грозу, обращалась за помощью то в Париж, то в Вену. Французский министр Шуазель взял конфедератов под свой покровительство. В январе 1770 года граф Г. Г. Орлов предлагал в Совете, «что возмущения там час от часу умножаются и что надлежит подумать, какие бы меры против того взять нужно было» (28 января 1770 г.) Но война с Турцией заняла Русские силы и потому послу предписано было поражать, где можно, мятежников, поступая в отношении к королю с умеренностью. В феврале следующего 1771 г. граф Орлов снова сделал предложение о Польше, что «весьма бы полезно было, если б границу нашу с Польшей составляли протекающие близ оной реки». В Совете, по поводу этого, опять «происходили многие политические рассуждения, которые генерал-фельдцейхмейстер заключил обещанием подать о том своё мнение письменно» (7-го февраля 1771 г.). Мнения этого, однако ж подано не было. Но, судя по последующему, легко догадаться, что политика Русского двора в Польше вступала теперь в новый фазис, которому не соответствовал князь Волконский. Весной 1771 года он был отозван, а на его место назначен Салдерн – человек решительнее даже Репнина.

3) При Салдерне

Императрица объявила о его назначении в Совет 1 февраля 1771 года, приведя туда с собою и Салдерна. В то же время читано «основание даваемой ему инструкции, на трактатах 1686 и 1768 г. учиненное» (14-го февраля 1771 г.).

Акты соглашения России с Пруссией и Австрией по польским делам и первый раздел Польши.

Через несколько времени после того, последовало в Совете рассуждение о польских делах, имевшее своим последствием первый раздел Польши.

В 1771 году 16 мая, Императрица присутствовала в Совете при рассуждении о способах к примирению с Турцией. По выходе Её Величества, Граф Н. И. Панин открыл Совету, что «по случаю известного уже предъявленного Венским двором права на смежные с Венгрией староства и действительного их захвачения, король Прусский отозвался здешнему двору в доверенности, что он не намерен быть спокойным зрителем такого завладения польских земель его соседом; что имеет и он также права на соседние с его владениями польские земли и намерен равномерно ж присоединить их; и чтоб потому и Россия, если имеет такие же требования и хочет пользоваться сим удобным случаем, сделала с ним общее дело; что сие представляет ему, графу Панину, такой случай, о котором всегда помышляли для исполнения всеми желаемого; что находим мы теперь удобность в ограничении себя от Польши реками; что хотя Россия и не имеет никакого права на Польскую Лифляндию, однако намерен он вывести права на оставленные в Польше десять Заднепровских полков и требовать возвращения, а особливо, что Польша не исполнила своего за получение оных обещания; что негоцируя о сем и согласясь на всегдашнюю уступку присвоенных Австрийцами и некоторых из требуемых Прусским королём Польских земель, исключая Гданьск, можем мы получить Польскую Лифляндию и желаемое ограничение, а Польше отдать, в замен отбираемых у неё земель, княжества Молдавское и Валахское; что интересовав сим образом Венский и Берлинский дворы, скорее можно будет заключить мир с Турками и успокоить польские замешательства; что если Совет на все сие согласен, будет он над тем трудиться и, отозвавшись ныне слегка австрийскому послу, князю Лобковицу, приготовить двор его к сей негоциации; на что и согласились» (16-го мая 1771 г.).

Этим сообщением открывается ряд известий и документов, относящихся к первому разделу Польши.

Граф Н. И. Панин сообщил обо всём, касающемся до предполагаемого разделения Польши, Салдерну. А между тем, по поводу усиленных вооружений Венского двора, отозвался князю Лобковицу, «что великие

двора его вооружения не могут быть без намерения; что не видит он, однако ж, против кого бы хотел он обратить свои силы; что если вооружен также и король Прусский, он побуждаем к сему имеющимися с нами обязательствами; что между тем Венский двор присоединил уже к своим землям и несколько польские староства; что, по соседству нашему с сею республикою, не можем мы оставить того без уважения, и что он, по благоразумию и праводушию князя Кауница (австрийского министра иностранных дел), надеется, что не скроет от него прямых своего двора намерений, дабы, согласясь наперёд между собою, могли они оба тем лучше пещись о пользе своих государей» (27-го июня 1771 г.).

Вслед за тем Прусский король прислал «проект секретной конвенции о взаимном уделении польских смежных земель», наметив части, которые должны отойти к стороне Пруссии. Граф Н. И. Панин составил «контрпроект» сей конвенции с прибавлением «секретнейшего артикула», заключающего в себе «обязательство против Венского двора на случай его в том препятствия». Совет, рассмотрев эти бумаги, положил внести в эту конвенцию и предполагаемые с Русской стороны приобретения. В то же время положено было, «чтобы отделяемый из второй армии на польские границы корпус занял, по приходе своём, все присвоаемые сею конвенцией места и не допускал мятежников польских за семь миль от оных, и чтоб предписано было посылаемому для охранения наших границ генералу охранять и все оные земли, как наши собственные» (2-го августа 1771г.).

6-го октября Прусский король сообщил о усилении своей армии на случай войны, и за убытки по сему случаю требовал прибавки, к предназначенным ему польским землям, Гданьска (Данцига) с его принадлежностями. Вместе с тем препроводил он «рассуждения, служащие ответом на посланный от нас контрпроект». Сущность этих «рассуждений» состояла в том, что, в польском деле и замешательствах по этому поводу со стороны Австрии, он не обязан был бы помогать нам, так как трактат наш с ним к тому не относится, но что по дружбе он будет помогать нам и в сем случае; при этом он возобновил своё требование насчёт Гданьска с принадлежностями, предлагая и нам «усугубить ещё наши приобретения в Польше, сколько рассудим». При чтении означенных рассуждений граф Н. И. Панин изъяснился, что «как собственная наша польза не дозволяет поступить на отдачу Гданьска, то думает он предложить королю Прусскому, чтоб он, в случае войны с Венским двором, вознаградил свои убытки присоединением его земель, и что мы гарантируем ему оные» (6-го октября 1771 г.).

Видя неуступчивость Русского двора по делу Гданьска, Прусский король сообщил, что он отступает от требования этого города, что надобно, однако признать оный вольным и независимым от Польши. Но со стороны России было положено употребить старание к склонению Прусского короля, чтоб Гданьск оставлен был под покровительством республики Польской.

Вышеприведённая негоциация сначала велась только между Россией и Пруссией, при увеличившейся холодности к Венскому двору, вследствие явной поддержки им Оттоманской Порты, с которой мы находились тогда в войне. Прусский король предлагал даже осуществить предложенный раздел польских земель, не сообщая о том Венскому двору, «потому что он сам не сообщая присвоил себе такие же польские земли». Но Совет в то же заседание, когда было читано это предложение (22-го ноября 1771 г.), положил отправить письмо к нашему министру князю Голицыну, в Вену, с изъяснением, что если Венский двор представляет право на занятые им польские земли и намерен удержать их, то равномерно же и мы, как и союзник на, король Прусский, можем сыскать такие же права на земли той республики (22-го ноября 1771 г.). Поставленный в известность о негоциации по польским делам, Венский двор прислал изъяснение свое по этому предмету, названное «запиской разговора между князем Голицыным и князем Кауницем», сущность которого состояла в том, что Венский двор с удовольствием уведомился о соглашении Её Величества на возвращение Туркам Молдавии и Валахии; что хотя он и не желал бы, чтоб Польша разделена была, но по причине учинённого уже между Её Величеством и королём Прусским о сем соглашения, приступает и он к тому, и в сем намерении требует от реченного государя дружеского о том сообщения, дабы сходственно с тем мог определить своё приобретение; что со всем тем хотел бы он иметь такое приобретение лучше из турецких, нежели из польских земель, и что желает он окончить сие дело как можно скорее и утвердить его установлением союза с Её Императорским Величеством и Берлинским двором» (1-го февраля 1772 г.). Вслед за этим Венскому двору сообщён план нашего с королём Прусским о Польше соглашения, и русскому министру в Вене поручено изъясниться с ним, что именно он получить желает, уверяя наперёд, что приобретения его с турецкой стороны равно почтены будут, как с польской (9-го февраля 1772 г.).

Прежде чем получен был в С.-Петербурге ответ от Венского двора на это последнее сообщение, Прусский король уведомил о бытности у него на аудиенции венского министра (Вансвиттена) и об изъяснении желания

двора его обменять те земли, кои ему от Польши уделены быть имеют, на графство Глацкое, или же получить вместо того от Турции Белград и Сербию. Совет рассуждал по этому поводу, что «Венский двор, избегая получить равную часть в Польше, хочет обратить всё за раздел её негодование на нас и на короля Прусского, и что для того самого и нужно стараться привести оный к получению там равной части и, следовательно, в равное во всём соучастование» (11-го февраля 1772 г.).

Неудовольствие С.-Петербургского и Берлинского дворов по поводу этого заявления не могло быть не примечено Венским двором, так что, в оправдание себя, он сообщил нашему министру в Вене, «что Вансвиттен (в разговоре с Прусским королём) отзывался о графстве Глацком сам собою без и без повеления, также что Белград и часть Сербии и Боснии получить можно от Турции в замену завоёванных нами земель, и уступить потому двору его, и что он отправил к королю Прусскому о равном уделе Прусских земель декларацию, которая будет служить основанием конвенции его с нами и с сим государем»

Около половины марта, Венский двор, рассмотрев препровождённый к нему план нашего соглашения с Прусским двором о Польше, объявил, что приступает к нему (17-го марта 1772 г.).

26 апреля граф Н. И. Панин читал в Совете «проект манифеста», заготовленного для вручения в Варшаве русским, прусским и венским министрами о присоединяемых польских землях (26-го апреля 1772 г.).

14 мая граф Панин читал в Совете «проект конвенции о польских землях с Венским двором» и изъяснился, что Римский император никогда не соглашается на употребляемую другими государями в трактатах и конвенциях альтернативу титулов и подписей; что как со времени признания сим государем Российских Самодержцев в императорском достоинстве не было ничего с ним трактовано, а до сего писался он прежде их, то для избежания такого затруднения написал он (граф Панин) сей проект таким образом, чтоб каждый уполномоченный, изъясняя общие причины и определяя свои в Польше приобретения, гарантировал только приобретения другого и подписал конвенцию один, для размена на подобную ж, другим уполномоченным учинённую; что он изъяснялся уже о том и с князем Лобковицем, и что, по словам графа Солмса, такое же средство употреблено было и при замирении Римского императора с королём, его государем.

При рассмотрении сообщённой Венским двором декларации, которую он намерен был обнародовать в Варшаве, она найдена сходною с нашею и берлинскою, а потому и положено «вручить в Варшаве декларацию

равного от всех трёх дворов содержания, для показания настоящего у нашего и Берлинского двора с Венским единомыслия и отнятия тем у ненавистников наших всякого случая вредить нам» (2-го августа 1772 г.).

Наконец, рескриптом на имя графа Чернышева решено было вступить во владение присоединяемых от Польши земель (Белоруссии) между 1 и 7 будущего сентября, и опробован «плакат», который сей генерал, как генерал-губернатор оных, в них обнародовать имеет (13-го августа 1772 г.).

Князю Голицыну поручено было приветствовать Императора и Императрицу-Королеву, по случаю оконченной о раздроблении Польши негоциации и исходатайствовать знак удовольствия находящемуся здесь венскому министру (13-го сентября 1772 г.), вследствие чего Лобковиц и был пожалован кавалером Золотого-Руна (18-го октября 1772 г.).

Польский двор протестовал против раздробления Польши и вручил иностранным министрам о том записку (22-го сентября 1772 г.). Но дворы Французский и Английский, по объявлении им декларации о разделе Польши, приняли её, как дело решённое. Из читанных в Совете депеш видно, что дюк д'Егильон в Париже «ничего не сказал», при вручении ему нашей декларации о Польше; в Лондоне же граф Суфолк прямо объявил, что «двор его мешаться в то не намерен» (25-го октября 1772 г.).

III. Внутренние события во время первой турецкой войны

Из внутренних событий, заботивших правительство во время первой турецкой войны и первого раздела Польши, особенно важными представляются: моровая язва и бунт Пугачёва.

Моровая язва

Свирепствовавшая, в царствование Императрицы *Екатерины II*, в разных местностях России моровая язва памятна и доселе в народе под именем чумы. Из протоколов Совета видно, как сильно эта болезнь озабочивала правительство, и какие меры оно принимало, чтобы ослабить её губительное действие и остановить её распространение.

В сентябре 1770 г. пришло в С.-Петербург первое известие о появившемся в предместье Киева моровом поветрии. В октябре получены такие же сведения о показавшейся заразительной болезни в Польше. В ноябре опасная болезнь показалась в Севске, а в декабре проникла и в Москву, куда занесли ей греки, приехавшие без выдержания карантина. Совет положил публиковать манифестом о распространившейся болезни, с увещеванием, чтобы каждый верный подданный и сын отечества принимал против сего зла осторожности, и с указанием в этом манифесте некоторых главных правил о недопущении и пресечении заразы (30-го декабря 1772 г.). С С.-Петербургом прекращено отовсюду прямое сообщение. Курьеры из армии, доехав до границ, должны были передавать депеши другим курьерам.

В январе 1771 г. заразительная болезнь начала уменьшаться в Москве. Но в следующем же марте месяце снова показалась на суконном дворе. Главный командир Москвы, генерал-фельдмаршал Пётр Семёнович Салтыков, по старости, не мог принять необходимых деятельных мер в виду наступившего зла, а потому в Совете предлагали поручить охранение Москвы кому-либо другому, снабдив его полною мочью; но некоторые члены Совета, находя это предосудительным главному в столице командиру, предлагали употребить к тому, под его наблюдением, тамошнего полицмейстера, с несколькими советниками, которые бы об этом единственно имели попечение (21-го марта 1771 года). Из С.-Петербурга послан был приказ оцепить Москву карантинами. Московскому и соседним архиереям приказано отправлять молебны о спасении от прилипчивой болезни, дабы народ чрез то наивяще остерегался опасности.

Для охранения С.-Петербурга, Совет предлагал назначить такую особу, которая, независимо от данных предписаний, в состоянии была бы своею расторопностью употребить всё то, что только возможно будет к предостережению и надлежащему исполнению, прикомандировав в распоряжение ея надлежащее число медицинских особ. Императрица

назначила для сего новгородского и тверского губернатора, графа Якова Александровича Брюса, а в Москве особое за все наблюдение поручила генерал-поручику Петру Дмитриевичу Еропкину. Призванный в Совет доктор Ореус объявил, что он, по долгу и званию своему, признаёт ту болезнь заразительною; московский же губернатор объяснил, что тамошние медики между собою в том не согласны (28 марта-4 апреля 1771 г.).

В мае опять стали приходиться успокоительные известия из Москвы, что прилипчивые болезни не оказываются более.

Совет уже предлагал обнародовать об этом в ведомостях и отменить принятые там предосторожности, но Императрица не выразила на это соизволения (2 мая).

В июне донесения из Москвы были ещё успокоительные – что нет ни больных, ни умерших заразительною болезнью (6 июня). Но в конце этого месяца болезнь снова показалась и смертность стала быстро возрастать, так что с 25 человек дошла до 300, 500 и наконец до 900 в день.

19 сентября 1771 г., читана была в Совете реляция графа Салтыкова, что в Москве умирает более 800 человек в сутки, что оттуда все разбежались и съестное с нуждою доставать можно, и что генерал Еропкин желает получить увольнение от возложенной на него должности, и сам он (Салтыков) просит позволить ему отлучиться до зимы. Совет рассудил: «генерал-фельдмаршала графа Салтыкова, по его желанию и в рассуждении его старости, отпустить из Москвы на всё время опасности»; но Еропкина, так как он сам не просил об увольнении, оставить. Совет почёл только нужным испросить у Её Императорского Величества письмо к нему, которое бы могло его ободрить и умножить ещё более данную ему власть. Между тем Императрица решилась послать в Москву доверенную особу, которая бы имея полную власть, в состоянии была избавить этот город от совершенной гибели (19-го сентября 1771 г.). По избранию Императрицы, отправлен был генерал-фельдцейхмейстер (Г. Г. Орлов), снабжённый для того полною мочью (21 сентября).

16 сентября совершилось в Москве страшное преступление-убийство архиепископа Амвросия разъярившеюся чернью. Императрица, прибыв в Совет, повелела, «чтоб зачинщики бывшего возмущения и архиерейские убийцы наказаны были по законам, и все те, кои по следствию окажутся участниками того возмущения, записаны были в солдаты». В том же заседании Государыня изъявила неудовольствие, что сенаторы и другие присутствующие без повеления из Москвы разъехались, и повелела, чтоб они немедленно туда созваны были.

Прибыв в Москву, генерал-фельдцейхмейстер прислал реляцию об отчаянном состоянии тамошних жителей. Но с приезда его число умирающих в Москве стало несколько уменьшаться (3 октября). 31 октября Императрица «изволила изъясняться в Совете, что опасная болезнь знатно начала умаляться в Москве и чаятельно вскоре вовсе прекратится; что совсем тем, дабы больше прежнего было о той столице попечения, соизволяет поручить оную другой особе, в рассуждении, что со всею доверенностью, кою имеет Ея Величество к генерал-фельдмаршалу графу Салтыкову, не может однако ж, по его старости, довольно в том на него положиться; что Она думает сделать это во время бытности там генерал-фельдцейхмейстера, дабы могли при нём ещё привыкнуть сей особе повиноваться, и дабы также приведена она была в состояние следовать сделанным там учреждениям; что не полагая потому нужды пребывания в Москве его, генерал-фельдцейхмейстера, который уже сделал всё, что должно было истинному сыну отечества, изволить вскоре оттуда возвратить».

Вследствие того, главнокомандующим в Москву назначен, бывший пред тем полномочным послом в Варшаве, князь Михаил Никитич Волконский, который и снабжён наказом о совершенном искоренении в столице язвы и о учреждении в ней потребного порядка. Вместе с тем генерал Еропкин уволен от дел по возложенному на него поручению. Признательность к нему Императрицы выразилась в похвальном рескрипте за укрощение возмущения и в пожаловании его кавалером Св. Андрея. Рескрипт ему был слушан и опробован в Совете 5 ноября.

Возвратившись из Москвы, генерал-фельдцейхмейстер представил Совету, «что он нашёл её в отчаянном состоянии, хотя к истреблению заразы приняты были тамошними начальниками достаточные меры; что попускание частных смотрителей и грабёж в заражённых домах их подчинённых были главною причиною распространения смертельной болезни, народного отвращения к карантинам и последовавшего смятения; что вольность и небрежение, а потом и отчаяние самих жителей умножили оную ещё более; что хотя изданные им постановления и словесные увещания весьма много подействовали, но что совсем тем приемлемые там меры к искоренению сего зла и отвращению его на будущее время будут оставаться тщетными, пока сами жители не почувствуют нужду исполнения предписанных осторожностей; что заразилось в городе более 5000 домов, а 1700 совсем опустели; что умерло там сначала язвы по ноябрь месяц 50 000 человек; что теперь большая часть заражённых выздоравливает; что в больницах и карантинах они всегда содержимы

были хорошо» (5 декабря 1771 .).

Бунт Пугачёва

В протоколах Совета конечно нельзя искать полного изложения дела о Пугачёве; но тем не менее можно извлечь из них сведения, характеризующие важные моменты пугачёвского восстания.

В первый раз «о возмущении, принявшим имя покойного Императора Петра III, беглым донским казаком Пугачёвым Илецких селений» и о принятых против него мерах, объявлено было в Совете, в присутствии Императрицы, президентом Военной коллегии, графом Чернышевым, 15 октября 1773 г. – Её Величество изволило спрашивать, достаточны ли учинённые на первый случай распоряжения, и повелела, чтоб для отвращения народа от сего возмутителя скорее заготовлен, напечатан и в тамошних местах, чрез посланного в оные генерал-майора Кара, обнародован был манифест. Совет признал принятые меры достаточными и рассуждал, что «сие возмущение не может иметь следствий, кроме что расстроить рекрутский набор и умножить ослушников и разбойников; что возмутители не могут овладеть Оренбургом, если внутри того города измены не будет, и что чаятельно пойдут они от Оренбурга не к Казани, как там опасаются, но к Дону, где, может быть, надеются усилить своё общество» Граф Н. И. Панин изъяснился, что «если бы атаман (Донских Казаков, недавно пред тем взволновавшихся) Ефремов в пору схвачен не был, мы имели бы всю Кубань на плечах, и что сей мятеж не что иное, как искра тогдашнего». В виду рассеиваемых злодеем манифестов положено было подтвердить сенатскими указами, чтоб никто письменным обнародованиям не верил, а на Дону умножить число войск. Вслед за сим положено было манифестом объявить прощение шатающимся по берегу Каспийского моря донским и яицким казакам, и всем военным, в бегах находящимся (17-го октября 1773 г.). Приходящие сведения извещали, что злодей взял Илецкий городок, призывал на помощь Киргизского Нуралихана, но не нашёл в нём сочувствия (21-го октября 1773 г.), разбил высланного против него бригадира Билова и двукратно напал на Оренбург. Кар, увидев, по прибытии на место, положение дел, поручил команду генерал-майору Фрейману и отправился было в Петербург для словесных обо всём донесений, но на встречу ему послан был приказ возвратиться назад. В тоже время решено было послать туда как можно более войск и отправить именитого генерала (18-го ноября 1773 г.). Выбор Императрицы упал на генерала Бибикова, который снабжён был полною властью в способах укрощения мятежа и открытым указом ко всем

духовным и гражданским правителям.

При отправлении Бибикова, ему вручен был манифест, который он, по приезде своём в тот край, должен был обнародовать. Во время чтения проекта манифеста в Совете, генерал-фельдмаршал, граф Чернышев и генерал-фельдцейхмейстер (граф Орлов) представляли, «что им кажется много, чтоб сие возмущение уподоблено было древнему нашему междоусобию и Пугачёв – Гришке-Расстриге, потому что тогда всё государство было в смятении, а ныне одна только чернь, да и то в одном месте, и что такое сравнение может привести на память столь неприятное происшествие и возгордить также мятежников». Государыня отозвалась на то, что Ей пришло на мысль велеть сделать такое уподобление, дабы более возмутить омерзение к возмутителю, но что Она ещё пересмотрит манифест. Когда зачато было чтение заготовленного от имени генерала Бибикова объявления, обещающего награждение тем, кои доставят ему злодея Пугачёва живого или мёртвого, Её Императорское Величество изволила изъясниться, что Она не соизволяет, чтоб таким награждением подан был повод к убийству; что надобно потому обещать только за живого, и что то объявление генерал Бибиков может сочинить сам (28-го ноября 1773 г.). 9 декабря граф Панин представлял, что о сем возмущении без сомнения известно уже во всём государстве; что правление, скрывая его пред народом, придаёт ему более важности, нежели имеет оно в самом деле, и что почему, для отнятия всех вредных мыслей и толков, следовательно, же и для удержания соседних мест в спокойствии нужно, объявить о том манифестом во всей Империи, именовав мятежников разбойничьими толпами, а Пугачёва – вором и самозванцем. 16 декабря предложенный манифест прочитан и опробован Советом.

Между тем с Дога, от коменданта крепости Св. Дмитрия (Потапова), сообщено о сысканных там жён и детях самозванца Пугачёва. Граф Чернышёв уведомил при том, что между находящимися в С.-Петербурге донскими казаками нашёлся также родной брат Пугачёва, и что он, хотя и признал его невинным, велел, однако ж содержать под присмотром Военной коллегии. Вместе с этими сообщениями, Совету объявлено следующее соизволение Её Императорского Величества: «чтоб положили на мере, каким образом поступать с Пугачёвым именем, с женою его, детьми и братьями, и как сии последние не в бунте, то справедливо ли будет их арестовать, ибо и *Пётр* Великий часто говаривал: «брат мой, а ум свой». Как сие положат на мере, то чтобы означили, чрез какое правительство сие производить в действие». Совет положил, что для возбуждения омерзения к Пугачёву злодеянию, должно дом его на Дону,

если таковой найдётся, или пустое место, где он живал, чрез палача разорив, выжечь и посыпать солью; что сие надобно учинить по команде и писать о том к генерал-майору Потапову, а он поручит исполнить оное донской войсковой канцелярии; что хотя жена, дети и братья Пугачёва и невинны, взять их под присмотр требует сама осторожность; что надлежит их послать к генералу Бибикову, дабы он, показывая их там всем, и самим пленяемым мятежникам, и освобождая несколько из сих последних, мог убедить тем заблуждаемых о лжи и неистовстве злодея (7-го января 1774 г.).

Бибиков, прибыв в Казань, доносил о соединении Башкирцев с возмутителями, о пресечении сообщения с Сибирью и об усердии казанского дворянства, и просил о присылке к нему лёгких войск (13-го января 1774 г.). В то же время доносили губернаторы: астраханский – о злодействах Киргиз-Кайсаков и возмущении казаков в Гурьев городке, а сибирский – о распространившемся в его губернии колебании жителей и также злых умыслах Киргиз-Кайсаков (3 января-20 марта 1774 г.). Наконец Бибиков прислал давно желаемую весть о поражении самозванца близ Сарочинской крепостцы, но жаловался на не деятельность генерал-поручика Деколонга. Императрица предложила, вместо последнего, двух генералов: Суворова и Гроттенгельма. Но Совет изъяснился, что Суворов отъехал уже в первую армию, а отправление отсюда Гроттенгельма подаст повод к толкам, и указал на находившихся в Москве генералов: Долгорукова и Нащокина (24 марта 1774 г.). От Бибкова между тем шли благоприятные вести одна за другою о поражении Пугачёва и освобождении Оренбурга (14-го апреля 1774 г.); но вслед затеем получено известие о смерти самого Бибкова. Присуждённые ему награды уже не застали его в живых; заготовленный же на имя его похвальный рескрипт за поражение злодеев положено переправить на имя главноучаствовавшего в сем деле молодого и блестящего генерала, князя Голицына. Оренбургу послана похвальная грамота за выдержание осады. Князь Щербатов, по старшинству, принял команду над войсками после Бибкова (24-го апреля 1774 г.).

Счастливые вести ещё продолжались несколько времени. Князь Голицын доносил об освобождении яицкого коменданта Симонова от осады, о пленении единомышленников Пугачёва (5-го мая 1774 г.) и поражении злодеев в Илецкой провинции (8-го мая 1774 г.); астраханский губернатор – о занятии посланною командою Гурьева городка (26 мая); князь Щербатов – о поражении злодеев в Башкирии и о поражении самого злодея генералом Деколонгом (16-го июня 1774 г.).

Между тем вдруг власти переменялись. Казанский губернатор доносил о направлении злодеев к Казани. Положено было послать в Москву, сверх снаряжённых туда, ещё несколько войск из находящихся в сей стороне; возбудить московское дворянство к набору на своём иждивении конных эскадронов по примеру казанского, и отправить в Казань знаменитую особу, с такою же полною мочью, какую имел покойный генерал Бибииков. «Ея Императорское Величество изволила объявить в Совете намерение Своё ехать в Москву, дабы в настоящих обстоятельствах сохранить там тишину Своим присутствием, но министр иностранных дел граф Панин и генерал-фельдмаршал Чернышев представили Ея Величеству, что такая поездка, увелича вне и внутри Империи опасность более нежели есть она в самом деле, может ободрить и умножить мятежников и повредить также делам нашим при других дворах» (21-го июня 1774 г.).

Дальнейшие действия против Пугачёва до самого конца восстания прошли мимо Совета, так что протоколы сообщают лишь заключительный его момент.

18 декабря Её Величество прислала в Совет генерал-майора Потёмкина для прочтения проекта манифеста о окончании следствия над злодеем Пугачёвым. При слушании сего манифеста, Совет полагал: «исключить из оногo: 1) употреблённое в начале слово «разумному», и написать просто «всему свету ведомо», потому что добродетели Её Императорского Величества известны всем вообще; 2) описание пороков частных правителей, в уважении, что таким общим выражением оказывается слабость всего правления и оскорбляются невинные, и что в случае оставления сего должно наименовать преступников и наказать их, или же простить, по воле Её Императорского Величества; 3) все описание-же жизни и дела Пугачёва, признавая, что такое повествование в манифесте от лица Её Императорского Величества не сходствует с Ея достоинством, но что можно приложить оное к манифесту или же приговору сенатскому; и сверх того, 4) переправить еще написанное в конце о даваемом Сенату повелении учинить по сему делу в силу законов определение и сентенцию таким, для отнятия всякого сомнения, образом, чтоб Сенат учинил решительное определение и исполнил оное» (18-го декабря 1774 г.).

IV. Вторая Турецкая война

После заключения Кучук-Кайнарджийского трактата и подавления пугачёвского бунта, наступил период мира, ознаменованный преимущественно внутренними преобразованиями, в течение которого деятельность Совета по делам политическим почти прекращается. Она возобновляется с 1787 года, т.е. со второй турецкой войны.

Недовольная Кайнарджийским миром Порты, в течение двенадцати лет, направляла свои усилия к тому, чтобы разрушить выгоды, приобретённые в нашу сторону этим миром. Наконец в августе 1787 г., подстрекаемая Пруссией и Англией, она объявила России войну, посадив посла её в семибашенный замок. Напрасно лорд Кармартен заверял о дружественных намерениях своего правительства в отношении к России. Совет не был разубеждён его доводами и положил ответить ему «взаимным в словах расположением, разумея, впрочем, оные одною политическою уловкой, ибо слова ничего не стоят, кода дело уже сделано» (25-го сентября 1787 г.). По поводу таких же заверений со стороны Прусского двора, Совет положил: «на такое собрание слов учтивых ответить взаимным вежливым изъявлением» (27-го сентября 1787 года).

Все приготовления к этой войне и распоряжения во время её, все военные дела и политические сношения, укомплектование и продовольствие войск, укрепление и оборона крепостей, вооружения и действия флотов – всё это проходило чрез обсуждение Совета. Но особенно важными моментами в ходе этой войны и в относившихся к ней рассуждениях Совета были: вступление России в союз с Римским императором, отклонение предлагаемого Пруссией посредничества к примирению нас с Турками и проект союза с Бурбонскими дворами.

Вступление России в союз с Римским императором

В ноябре 1787 г. Императрица сообщила Совету, под величайшею тайною, «полагая в сем случае нескромность как сущую измену», союзный трактат с императором Римским и «секретный артикул» оного на случай войны турецкой. В сем деянии Совет видел великую прозорливость Монархини, как таком, которое обеспечивает Россию против её сильных соседей, и выразил уверенность, что Императрица «всеконечно сохранит оный, яко творение Своего духа». Сообразно с этим, Совет предначертал план военных действий на сухом пути и на море, не ограничиваясь одною обороною границ, но простирая виды на отторжение от Турции некоторых её областей. «Образ таков – рассуждал Совет – приличен достоинству и силам Империи, как напротив того оборонительное положение державам слабым и изнемогающим свойственно, которые защитить токмо себя, а не приобретать помышляют» (15-го ноября 1787 года).

Отклонение предлагаемого Пруссией посредничества в примирении России с Турцией

Но успеха России во всё время войны, а особенно сначала её, препятствовала враждебная политика Пруссии. Совет очень ясно понимал направление прусской политики и не скрывал своих мыслей, высказывая их даже в тех случаях, когда Прусский двор принимал вид благожелательности к России. В сентябре 1788 года Пруссия, заключив союз в Англией и Голландией и приглашая вступить в оный и республику Польскую, предложила России медиацию к миру с Швецией и Турцией. Но Совет нашёл в предложениях короля Прусского «не слова, а вещи колкие». «В виде медиатора зрится восстающий нетерпимый повелитель не токмо на настоящие наши дела, но и на будущие, которые Россия в свою оборону или для пользы государства предпринять бы могла. Соображая таков подвиг во всех его следствиях, Совет весьма удален согласиться на предлагаемую от короля Прусского настоящую медиацию, ибо податливость на оную предосудительна Империи Всероссийской и царствованию Её Величества, чрез 27 лет военною славою сопровождаемому. Что уничтожительнее оной крайности, как приять великой Империи закон от Прусского государя, которого предложение в существе своем оный назначает? Всякое уважение к нуждам и к тягости новой войны при сем размышлении исчезает. В ответе пристойно упомянуть Прусскому королю, что самая его держава своим приращением обязана России, и что еще в свежем памяти помощь, сделанная его предместнику выйти с честью из войны баварской» (18-го сентября 1788 г.).

Проект союза с Бурбонскими дворами

Так как за этим заявлением ожидалась война с Пруссией, то положено было, в виду её, турецкую войну обратить из наступательной в оборонительную. В виду устрояемой Прусским двором коалиции, Совет рассуждал: «король Прусский усилил себя союзниками, и нам следует таковых находить. Франция явила к тому преклонность. Полезно теперь предложить оной, что мы готовы заключить с нею и с другими Бурбонскими дворами союз, с тем однако же, что ежели которая держава по делам шведским объявила войну, или войсками и флотом помогать Швеции стала, они примут оную за *casus foederis*. Достигнув сего союза бодрствовать, мы можем против Англии, когда бы она вооружилась своим флотом, имея нашему от Франции усилие и помощь; король же Прусский, познав наше ополчение, готовое противостать его замыслам, может быть, в оных и остановится. Впрочем, ни унывать, ни бояться не должно. Россия без всякого напряжения имеет 300 000 боевого войска. Сии силы всегда велики, хотя бы умножились враги. Не вознеслось ни одно государство, доколе ни низвергло своих противоборников». Впрочем, в Совете не образовалось единодушия на счёт союза с Бурбонскими дворами. Граф А. П. Шувалов заявил, что он не согласен ни на означенный ответ двору Берлинскому, ни на составление связи с Францией (18-го сентября 1788 г.). Кроме графа Шувалова и некоторые другие члены Совета (графы Воронцов и Чернышев) были против союза с Бурбонскими дворами, представляя, что «выгоднее для России не входить ни в какие связи и обстоятельства, которые почти всегда вовлекали государство, и против воли его, принимать участие в посторонних делах; что Россия, по локальному положению своему, будучи в углу, или так сказать составляя большой угол света, может сама в себе найти всегда достаточную защиту против всяких сторонних покушений, и чем меньше заниматься станет внешними делами, тем более может обратить своё внимание на внутренние распоряжения, составляющие прямо существенную силу большого государства» (14–16 декабря 1788 г.). Союз этот, как известно, и не состоялся.

V. Война со Швецией

В промежуток действий второй турецкой войны, Россия принуждена была выдержать войну со Швецией. В рассуждениях Совета, относящихся к этой войне, заслуживают особенного упоминания соображения по поводу предложенного Финляндией отделения её от Швеции и суд над адмиралом Чичаговым.

Предложение об отделении Финляндии от Швеции

В августе 1788 г. депутат финских войск, майор Эгергорн, объявил главнокомандующему русской армией в Финляндии, графу В. П. Мусину-Пушкину, что война начата королём (Шведским) против желания нации и вопреки узаконениям, и что Финляндцы охотно согласятся на независимость. Совет полагал, что «сколь ни желательнее скорейшее восстановление мира, и сколь ни полезно для нас превращение Шведской Финляндии в область независимую, однако неудобно и неприлично принять предложение сего депутата о трактовании вообще с шведскими и финляндскими государственными чинами. Первым и главным правилом должно поставить, дабы отделить в предстоящих договорах Финляндию от Швеции, а иначе общий сейм сих народов, о коем предлагается, подвержен будет всемирному затруднению и состояться не может вскоре, ибо исключаемый из оного король все способы употребить бороться против деяния, власть и волю его опровергающего; потому и надлежит финскому депутату объявить в ответе, что отвращение от войны его соземцев и оказанная Ея Величеству доверенность не могут быть Ей неприятны; что если они желают скорее воспользоваться спокойствием и независимостью, то бы внушением или способами другими подвигли войска шведские оставить Финляндию и теперь же составили бы особый сейм, объявили себя на оном независимыми и постановили тут правила, какие по своему благорассмотрению сами финляндские чины признают наилучшими к общему благу своего отечества в предполагаемом новом образе ни от кого, кроме единого Бога, независимого правления; что сии от них установления Ея Величество утвердить Высочайшим по оным на веки торжественным ручательством; а в достижении такого независимого состояния, буде бы от короля или шведских войск восстали каковые препоны, коих сами они одолеть не могут, повелит Она войскам своим подкреплять подвиги всех благонамеренных своего отечества. Что касается до желаемого Финляндцами восстановления границы по Ништадтскому мирному договору, то удовлетворить сему желанию тем менее удобства, что таким образом ещё более приблизилась бы граница к самой столице здешней. Против уступки крепостей, тут заключающихся, можно сказать, что они были нам нужны в защиту против Шведов, а Финляндцам к чему же послужат, когда Россия, доставляя им независимость, приемлет на себя охранение таковой вольности своим на веки ручательством; следственно защиту свою не в укреплении границ от России, но в силах Российской

Империи они иметь будут» (3-го августа 1788 г.).

Спустя несколько времени после этого, Эгергорн привёз из Финляндии записку от тамошних помощников относительно желаемой ими независимости, и представил начертание действий, нужных со стороны России в подкрепление составляемой для этого предмета конфедерации. Но Императрица, препровождая их в Совет, писала: «объявить Совету, что понеже Мне известно сделалось, что в восемь некомплектными полками, ныне в Финляндии находящимися, ни теперь, ни в будущее время предприятий никаких над неприятелем учинить нет возможности, и для того приказала Я иностранному департаменту сказать добронамеренным к нам Финнам, чтобы они старались для себя избрать меры те, которые они для своей безопасности найти могут полезные, и чтоб они, на нас надеясь, далее себя не ввели в погибель». Совет продолжал настаивать на прежнем решении, «считая отторжение Финляндии от Швеции преимущественнее пред всеми выгодами, которые в настоящую войну приобрести мы могли: оно доставило бы навеки, так сказать, преграду Шведам и полную Петрову-Граду безопасность. Правда, благоразумие претит полным образом положиться на одну бумагу, подписанную некоторыми чинами из финских войск, и почесть оную за согласие целой нации, хотя в том виде депутатом сей инструмент представлен: однако ж, осторожность сохраняя, не должно ни времени терять, ни желания просящих удерживать, тем паче, что король, созывая сейм, успеет на оном низложить доброхотствующих независимости финляндской, если Россия не обнадёжит их своим подкреплением, на которое уповая приняли бы они свою решимость» (2-го января 1789 г.). Но делу этому не суждено было в то время осуществиться.

Суд над адмиралом Чичаговым

В том же году, 6 августа, Императрица, недовольная действиями флота в Балтийском море, отдала поведение главнокомандующего адмирала Чичагова на суд Совет. «Из полученных реляций адмирала Чичагова видно» – писала Она Совету – «что Шведы атаковали его, а не он их, что он с ними имел перестрелку, что на оной потерял капитан бригадирского ранга и несколько сот прочих воинов без всякой пользы Империи, что наконец он возвратился к здешним водам будто ради прикрытия залива Финского. Я требую, чтоб поведение адмирала Чичагова в Сорвете сличено было с данною ему инструкцией и Мне рапортовано было за подписанием Совета, выполнил ли вышеупомянутый адмирал инструкцию, ему данную за Моим подписанием, или нет, дабы Я посему могла взять надлежащие меры; ибо примечательно становится по шведской войне, что не действие аки бы предмет был всех начальников тогда, когда живое и согласное действие везде над врагом им поверхность дать могло, а Империи доставило бы всем желаемый мир; а теперь родится от всего сего тройной Империи вред: 1-й – непослушание в исполнении данных предписаний, чрез что ныне Франция погибает; 2-й великие издержки, по пустому употреблённые и умножающиеся медлением: 3-й – потеря по пустому людей и времени». Совет, по рассмотрении образа действий Чичагова с данною ему инструкцией, нашёл, что «сей адмирал удовлетворил совершенно данным ему предписаниям, опричь единого пункта – возвращения своего к Финскому заливу, в чем ему надобности не было» (6–7 августа 1789 г.).

VI. Второй раздел Польши

Ещё прежде окончания второй турецкой войны, начались вновь столкновения с Польшей, где, после разных волнений и междоусобий, 3 мая 1791 г., провозглашена была новая конституция, в противность интересам России. По поводу этого переворота, о котором было немедленно донесено нашим послом, Императрица прислала в Совет собственноручное повеление, в котором было изображено: «положите на мере, что по польским делам теперь делать надлежит». Совет рассуждал, что «ежели новый образ правления во всей Польше принят будет и совершенно установится, не может он быть не вреден соседним державам, следовательно и России; что как однако ещё не известно, не содействовал ли тут Прусский двор, предпочтя в сем случае удачу временных своих видов коренной пользе, то прежде объяснения сего важного обстоятельства и нельзя никакого принять решения, особливо теперь, когда война с Турками продолжается и дела наши с Берлинским и Лондонским дворами приходят к какой либо развязке; что между тем нужно однако ж снестись по нынешним польским делам с союзным нам двором Венским для узнания его мыслей» (12-го мая 1791 г.). Но ещё прежде, чем узнаны были мысли Венского двора, прусский министр Бишофсвердер изъяснился нашему в благонамеренности своей, а о последовавшей в Польше перемене образа правления отозвался, что сия перемена требует нашего общего уважения, и что нужно бы условиться о недопущении австрийского принца сочетаться браком с новою польскою инфантою, обязавшись не женить на ней ни российского Великого Князя, ни прусского принца (15-го мая 1791 г.).

Между тем Австрийский двор, видя в происшествиях польских политику Прусского двора и опасаясь сопротивлением новому порядку вызвать тесный союз между Польшей, Пруссией и Саксонией, объявил себя за последовавшие в Варшаве перемены и поручил своему посланнику в Варшаве отзываться, что этим перемены двору его, да конечно и Российскому противны быть не могут» (26-го мая 1791 г.). Но Россия, в виду перенесённых ею оскорблений от Польши, не могла отнестись к этому делу столь же равнодушно, как Австрия, тем более, что диссиденты, не имев успеха в своих сношениях с константинопольским патриархом, чрез составленную с дозволения правительства конференцию в Пинске, выработали положения касательно церковной иерархии и других дел духовенства греческого исповедания (21-го июля 1791 г.), клонившееся к

учреждению в Польше независимой православной церкви, с подчинением её лишь до времени константинопольскому патриарху.

Тарговицкая конфедерация

Часть поляков не приняла новой конституции. Генерал артиллерии Потоцкий и польский гетман Ржевуский, на сделанный им позыв явиться для учинения присяги по поводу, конституции, прислали отрицательные ответы (22-го января 1792 г.). Их обоих отрешили от должностей (29 января). Потоцкий стал во главе конфедерации (Тарговицкой), объявившей конституцию 3 мая уничтоженною. Но многие из врагов России продолжали распускать разные слухи для вящего против неё раздражения (5 февраля). Тогда, пользуясь окончанием войны с Портою, Императрица, вместо объявления Своего мнения о произведённой в Польше реформе, решилась двинуть против неё и в подкрепление Тарговицкой конфедерации свои войска.

Война с Польшей 1792 г.

Высочайшая по этому предмету воля Императрицы была объявлена Совету 29 марта 1792 года «в самой высшей тайне», причём предъявлены были проекты декларации по польским делам, объясняющей причины вступления наших войск, и рескриптов к генералам, назначенным к командованию оными. Совет по этому поводу рассуждал, «что сверх многих озлоблений и знаков прежнего недоброхотства, оказанных России со стороны партии ныне в Польше господствующей, в течение минувшей войны с Турками, произведённая тою же партией перемена правления для нас предосудительна и вредна, и что потому необходимо нужно стараться испровергнуть оную; что проект предложенной Совету от имени Ея Величества декларации по польским делам составлен в изречениях пристойных и положению дел сообразных; число войск Российских назначаемое весьма достаточно, а меры в проектах рескриптов начертанные представляются надёжными к одержанию полного в том успеха, если только нам единственно противустанут польские войска. Но для обеспечения себя в таковом успехе нужно не меньше быть уверенными в согласии на то и со стороны соседних Польше, Венского, особливо же Берлинского дворов. В уважении сего и по убеждению, что настоящая форма правления, коварством и насилием в Польше введённая, столько же или более на времена грядущие для монархии Русской предосудительна быть может, Совет почитает нужным сделать новое с Берлинским двором дружеское объяснение, предлагая ему, что число недовольных в Польше не мало, что для достижения наших предположений мы намерены их подкрепить; что время наступающее к выводу из турецких областей войск российских подаёт к тому удобный случай, которым и положено у нас воспользоваться; для успокоения же Берлинского двора необходимо подать ему уверение, что намерения Её Императорского Величества бескорыстны и ни к чему иному не клонятся, кроме возвращения вещей в то состояние, в каковом им быть свойственно для покоя соседних держав. Без таковых предварительных сообщений и обнадёживаний сомнительно, чтоб он остался равнодушным зрителем всего нами производимого, тем более, что кроме других поводов, одно любочестие – что не сделано ему никакого откровения о предпринимаемых в соседней земле и толь близко границ его простираемых действиях – возбудить в нём беспокойство. Венскому двору, в качестве союзного, равное же сообщение учинено быть долженствует. Предпринимая действие в Польше с такими достаточными

силами, надлежит стараться, чтоб таковое знатных сил и способов употребление награждено было по крайней мере доставлением прочного на будущие времена со стороны Польской спокойствия и безопасности, ибо не сходствовало бы с тем одно пальятивное направление дел тамошних. По мнению Совета, восстановление правления Польского в том состоянии, в каком оно было при двух предпоследних королях, Августе II и Августе III, всего для нас сходнее, в рассуждении, что тогда правительство, кроме обыкновенного течения дел, и самые сеймы без всякой вредной для соседей деятельности находились; сила же наша и влияние более на общие дела и на выгоды и пособие для войск наших, нежели на частные выгоды чьи-либо простирались. Опыты царствования нынешнего короля доказали, что он при всяком случае искал присвоить себе власти более предместников своих, а правительству своему вящую деятельность».

12 апреля 1792 г., по Высочайшему повелению, граф Безбородко предложил Совету, что нужно учинить положение относительно времени и образа вручения в Варшаве заготовленной декларации и как потом посланник Булгаков поступить должен касательно своего оттуда выезда? Совет рассуждал: «1) что как в посланных к генералам Каховскому и Кречетникову предписаниях назначено войскам нашим войти в Польшу в первых числах мая, а по известиям, здесь имеющимся, могут они вступить туда около 10, помянутую же декларацию посланник Булгаков может получить к 1-му числу того же месяца: то, по соображению сего времени с тем, которое надобно ещё предоставить ему на сношение с благонамеренными Поляками к лучшему в предположениях наших успеху, следует наставить сего министра, чтоб он ту декларацию за своим подписанием между 1 и 6 числом мая вручил там канцлеру и вице-канцлеру. Если бы, однако пред таковым вручением получил он известие, что войска наши могут войти в Польшу и ранее 10 числа, то нужно, чтоб он поспешил подачею декларации, дабы она вступлению их предшествовала; 2) что нет нужды сообщать её предварительно ни которому из находящихся там иностранных министров, как потому, чтоб желаемому хорошему от неё действию не помешали они иногда нескромностью своею или иным образом, так и потому, что ещё ожидаем мы по сим делам ответа от дворов Венского и Берлинского. Но как, однако ж быть может, что сии дворы ответами своими промедлят, то уже, и не дожидаясь их, следует для надлежащего сообщения послать ту декларацию к пребывающим в Вене и Берлине министрам нашим в то же время, когда она отправлена будет в Варшаву к посланнику Булгакову; 3) что по

вручении декларации должен он ожидать отзыва от тамошнего правления. Но как статья может, что примет оно её не в том благонамеренном виде, в котором она составлена, и почтёт её за объявление войны, то и надобно ему заблаговременно принять все нужные к отъезду своему меры, дабы в случае, ежели он к тому от правительства формальным объявлением принужден будет и не дадут ему времени списаться со двором здешним, или и он усмотрит в продолжении пребывания своего там личную для себя опасность, или что оно соображено быть может с каковыми либо невыгодностями для достоинства Её Императорского Величества, мог он и действительно выехать оттуда за границу нашу. Принадлежащих к посту его чинов, цифры и другие секретные, а особливо новейшего времени бумаги имеет он взять с собою; а прочие, архив министерской составляющие дела, равно как и иные вещи, уклад и запечатав лучшим и надежнейшим образом, поручить датскому министру, который, яко аккредитованный от двора, союзного с нами, не участвующего в делах польских, может тем удобнее хранение всего того взять на себя. Но буде бы посланнику Булгакову учинено было токмо постороннее и партикулярное о выезде внушение и он при том вышеозначенных неудобностей не усмотрит, должен он отвечать, что, не имея отсюда повеления, поста своего оставить не смеет; 4) что нужно помянутых военначальников наших предварительно наставить, дабы они, как скоро вступят в Польшу и выдадут там от себя объявления, объясняющие предмет сего вступления, немедленно доставили от себя к начальникам пограничным с Польшей губерний российских по несколько экземпляров того объявления, дабы и сии начальники зависящими от них способами рассеяли оное в областях республики».

Вслед за сим две армии двинулись в пределы Польши: одна, под начальством Каховского, из Бессарабии направилась на Волынь, другая, под предводительством Кречетникова, из Белоруссии заняла Литву, где составила также конфедерация. Польский король обратился к хитрости – прислал к Императрице письмо, в котором, упомянув мимоходом о российском в Польше влиянии и о переходе войск наших чрез области сей республики, требовал, что Ея Величество назначила ему, преемником престола Польского, второго внука Своего, Великого Князя *Константина Павловича*, поставляя на вид, что они имеют нужду в прочной форме правления, представляя затруднение в исполнении декларации и настаивая на перемирии. Совет нашёл, что предложения, учинённые Польским королём, не имеют ни малейшего вида искренности, что он только старается выиграть время и навлечь на Русский двор подозрения других

держав, что потому остановить производство принятых Императрицею намерений было бы не сходственно ни с достоинством Её Величества, ни с пользою государства. Вместе с тем положено внушить королю, что от него зависит способствовать скорейшему восстановлению тишины в его отечестве приступлением к конфедерации, благомыслящими составляемой, с которою и мог бы быть собран сейм для учреждения вещей в том порядке, в каком быть надлежит по прежним коренным законам республики.

По вступлении русских войск в Польшу и Литву, мятежники, назвавшие себя патриотами, разбиваемы были на каждом шагу. Не надеясь на помощь ни от Франции, ни от Пруссии, вступившей в союз с Россией, король вместе с армией (23 июля) решился пристать к благонамеренной конфедерации. Но как неискренность в его обращении скоро обозначилась, то русским генералам приказано было продолжать свои действия и запясть указанные им места в Польше. Коронная и литовская конфедерация предполагали соединиться в Браце для составления плана будущему направлению. Императрица приказала прислать к себе проекты всех коренных законов, кои там установить хотят, требуя в то же время, чтоб и король учинил новую присягу на предложенные ему условия или раста *conventa*. Наконец генеральная конфедерация собралась в Гродно. Русский посланник Сиверс объявил ей о присоединении к России польских областей, издревле принадлежавших России и составивших теперь три русские губернии: Волынскую, Подольскую и Минскую. Донесение о сем посла доложено было Совету 7 апреля 1793 г. Пруссия получила воеводства Великопольские с Гданьском и Торном. Приведение в исполнение плана раздела поручено Сиверсу. Гродненская конфедерация 11/22 июля подписала трактат об уступленных землях.

VII. Третий раздел и падение Польши

Спокойствие, установившееся в Польше после означенных событий, продолжалось недолго. 4-го апреля 1794 г., в четверг на страстной неделе, вспыхнул мятеж в Варшаве, и скоро обозначилось, что заговор распространился по всей Польше, и что в нём участвует сам король с знатнейшими членами правительства. Прусские польские области также возмутились. Главными вождями мятежа были: Мадалинский, Бржиковский и Зайончек. Сделав, согласно рассуждениям Совета, предварительные распоряжения к обеспечению наших границ и снесшись с союзными дворами (20 апреля 1794 г.), Императрица призвала Румянцева, а румянцев отрядил в Польшу командиром генерал-аншефа графа Суворова-Рымникского (31-го августа 1794 г.).

25 сентября, читан в Совете рапорт Суворова из Брест-Литовска о совершенном разбитии неприятельского корпуса с генералом Руцицы; 30 октября – донесение графа Румянцева-Задунайского о разбитии бригадира Дениско с немалою толпою польских мятежников отрядом части из войск, командуемой генерал-майором графом Разумовским.

24 октября, взята Прага (Варшавское укрепленное предместье), а 29-го сдалась и Варшава. Суворов прислал ключи польского столичного города, а генерал донёс о взятии в плен польского корпуса, ушедшего было из Варшавы, и самого предводителя их Вавржевского, преемника Костюшки, с несколькими генералами (20-го ноября 1794 г.).

Императрица потребовала мнения Совета, какие бы вследствие того учинить распоряжения.

Совет положил: 1) в наказание Поляков за вероломство взять с жителей контрибуцию, предоставив количество её определить графу Суворову; 2) сохраняя всё принадлежащее собственно особе короля Польского, взять и прислать сюда все, какие найдутся, регалии, также знаки разных чинов, именно гетманские булавы, знамёна, бунчуки, печати, маршальские жезлы, словом все те вещи, кои принадлежат короне Польской и великому княжеству Литовскому, включая тут государственный архив и библиотеку публичную, Залускою называемую; 3) Суворову продолжать пребывать в Польше до тех пор, пока переговоры с союзными дворами о будущем жребии Польши успех свой возымеют, и чтобы между тем правление в Варшаве производимо было от имени Её Величества и восстановлены были суды по гродненскому сейму и тарговицкой конфедерации; 4) короля перевести в Гродно; 5) хотя

протестации суть незначащие средства, обыкновенно по слабости употребляемые, но тем не меньше надлежит оных не дозволять и тех, кто их учинит, брать под стражу и посылать в Россию (13-го ноября 1794 г.). Граф Суворов пожалован генерал-фельдмаршалом.

Для Польши наступил конец. Станислав-Август отказался от престола; области Литовская, Гродненская и Курляндская присоединены к России; воеводства Краковское, Сендомирское и Люблинское – к Австрии; остальные затем земли с городом Варшавою – к Пруссии.

VIII. Рассуждения и распоряжения Совета по поводу французской революции

В заключение обзора отношений России к иностранным государствам, имевших столь важное влияние на её положение в Европе, любопытно остановиться на рассуждениях и распоряжениях Совета Императрицы *Екатерины II* по поводу событий, совершившихся во Франции, в последние годы Её царствования.

Первые сведения о французской революции стали доходить до Совета ещё в половине 1789 года: 9 июля сего года читано было министерское донесение «о продолжающихся спорах между тремя государственными чинами и о делаемых от народа продерзостях». Вслед за тем получены известия о выезде из Франции принцев королевского дома (1-го ноября 1789 г.); об уничтожении народным собранием наследственного дворянства (16-го июля 1790 г.); об отмене в Париже особенных одежд, каковые носили монахи разных орденов (30-го сентября 179 г.); об отъезде из Парижа принцесс, тёток королевских, который был причиною к скопищам народа у люксенбургского и тюльерийского дворцов (10 марта 1791 г.). В июне 1791 г. пришло известие о побеге короля Французского с фамилией его из Парижа (30-го июня 1791 г.); 7 июля, по поводу совершающихся событий во Франции, «где народное собрание управляет государством без участия королевского», Совету сообщено желание Прусского короля, – находившегося в недоумении, оставлять ли своего министра в Париже и французского в Берлине, – ведать мысли Её Величества. Императрица, соглашаясь, что настоящее положение Франции заслуживает внимания всех государей, предложила Совету на рассуждение, какой бы ответ дать прусскому министру. Совет предлагал снестись о том с дружественными дворами, а прусского министра уведомить, что Её Величество не изволила ещё принять никакой резолюции. Между тем французский поверенный в делах Жене (Genet) изъявил желание, чтоб теперь ещё не вступались иностранные державы в дела его отечества. Нашему министру в Париже предписано было «согласоваться более с поступками тех иностранных министров, кои окажут себя привязанными к королю, не отрекаясь даже составить с ними общее дело, если б рассудили они за благо сделать какой-либо поступок в пользу Его Величества, в противно же случает выехать оттуда в немецкую землю под каким-либо благовидным предлогом».

После задержания Французского короля Венский двор предлагал

европейским государям составить общее дело для пресечения неустройства во Франции, требовать освобождения сего государя с его фамилией, чтоб соблюсти по крайней мере существеннейший образ монархии Французской, соглашая новую её конституцию с ограничениями, учинёнными и чинимыми по доброй воле королевской и по несомнительной власти нации; чтоб иностранным министрам в Париже подать общую декларацию; в случае же неприятия её пресечь всем державам всякое с Францией сношение и сообщение; для соглашения же по сим делам, Венский двор предлагал министерский конгресс в Спа или Ахене. Совет, которому Императрица передала это на обсуждение, полагал, что хотя неокончившаяся война с турками и самое столь дальнее отстояние здешней Империи от пределов французских не позволяют нам подать Венскому двору и другим соглашающимся с нами державам никакого деятельного вспоможения, кроме разве денежного, однако делаемые от них во Франции представления подкреплять и другие возможные по здешним обстоятельствам меры принимать конечно нужно, и предлагаемые теперь от Венского двора кажутся приличными и достаточными.

24 июня 1792 г., в Совете состоялось постановление о высылке отсюда Жене, с изъяснением, что продолжающиеся столь давно неустройства и беспорядки во Франции, час от часу возрастают, с ниспровержением там законной власти, не позволяют здешнему двору иметь с нею такового, как прежде, сношения, доколе не восстановится там благоустройство и не будут возвращены королю свойственные и принадлежащие ему права и преимущества.

В январе 1793 года, по поводу известия о смерти Людовика XVI, Совет, «приводя себе на память то похвальное поведение, которое в России, при царе Алексее Михайловиче, наблюдаем было во время подобного с Английским королём Карлом I случившегося несчастья», положил: «прервать политическое, торговое и всякое с Францией общение, доколе не восстановится там правление и власть законная в особе короля, кому по праву наследства она принадлежит, а для того: 1) силу и действие торгового договора с Францией, в 1786 г. заключённого, остановить; 2) судов французских под нынешним флагом в воды Российской Империи принадлежащие не впускать; 3) французских консулов и агентов выслать из России; 4) равномерно велеть выехать из России французским купцам, мещанские промыслы имеющим, и художникам обоюбого пола, также как парикмахерам, поварам и другим ремесленникам, равно как и домашним учителям и учительницам,

исключая тех из них, кои, отрекшись от неистовых правил, в их земле исповедуемых, и от всякого с нею сношения, похотят остаться в России для спокойного пребывания и продолжения невинных промыслов и обяжутся к тому клятвенным обещанием; 5) консулам русским приказать выехать из Франции и всех земель, коими владеют Французы; 6) запретить здешним подданным ездить во Францию и иметь какое либо сношение с Французами, в отечестве пребывающими; 7) ведомостей и других сочинений, кои во Франции издаются и печатаются, в Россию совсем не впускать; 8) Французам, вне России находящимся, возбранить въезжать в Империю здешнюю, исключая имеющих для того свидетельства от принцев французских». Венский двор требовал даже помощи войсками против Франции, но Совет, в виду бывшей в ту пору войны с Польшей (27-го мая 1792 г.), под разными благовидными предложениями отклонил это требование.

II. ОТДЕЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ

Покрыв Россию славою военных дел, поставив её на высокое место среди европейских держав, Императрица *Екатерина II* не менее сделала для её внутреннего благоустройства. Можно сказать, что гений Императрицы не был воинственным или завоевательным. Законодательство и внутреннее благоустройство государства составляют её настоящую стихию. Ими она начала Своё царствование и к ним обращалась всякий раз, как только открывалась свобода от военных действий. Начавшаяся в 1768 г. война с Турцией прервала Её законодательную деятельность, остановив действия Комиссии, образованной в 1766 г. для составления уложения. Но тотчас же по заключению мира, Она снова возвращается в действия законодательства и внутреннего благоустройства государства, к тому, что Сама Она назвала «приятным сердцу её трудом». «Распространение пределов государства» – сказано в манифесте по поводу изданного в 1775 г. учреждения о губерниях, – «умножение народа и изобилие переменяли всегда образ их управления и часто заставляли дополнять и самые законоположения, учинившиеся или неудобными, или недостаточными. Соображая прежнее и нынешнее России состояние, усматривается, сколько умножение и просвещение народное возбуждает попечение и заботы правительств. Премудрый Император *Петр Великий*, стараясь о просвещении и пользе подданных своих, издал много разнообразных законов и учреждений, но рановременная кончина оставила их при самом их основании.

Бывшие по ним перемены произвели в них отмены или присвоили им другие мысли. Ея Императорское Величество, с возведения Своего на

престол, соизволила пещись о спознании вообще частей внутреннего государственного управления, требующих поправления или издания новых учреждений и узаконений. По созыве в 1766 г. со всей империи депутатов, оставалось ожидать от трудов Комиссии уложения соответствующих её попечению плодов, как начавшаяся вскоре потом и шесть лет продолжавшаяся война отвлекла людей и запыла время и мысли на оборону веры и отечества. Но Бог, даровав нам славный мир и тишину, доставил Ей опять время упражняться приятным сердцу Ея трудом» (2-го ноября 1775 г. ч. II, стр. 208).

Должно, однако ж сказать, что важнейшие внутренние учреждения и узаконения, состоявшиеся главным образом в промежуток времени между первую и второю турецкими войнами и составляющие славу царствования Императрицы *Екатерины II* (учреждение для управления губерний, устав благочиния, грамота Российскому дворянству, грамота на права и выгоды городам Российской империи) были только прочитываемы в Совете, исходя непосредственно от лица Самой Императрицы. Но независимо от того, весьма много постановлений, узаконений и правительственных распоряжений, административных и финансовых состоялось вследствие представлений Совета или, по крайней мере, прошло, по Высочайшей воле, чрез обсуждение Совета. Извлечения из протоколов, содержащие в себе эти распоряжения, составляют вторую часть издаваемого ныне сборника. Они излагаются систематически, по предметам, применяясь к порядку, принятому в нынешнем своде Законов. Касаясь почти всех сторон гражданского и военного управления, они представляют богатый материал для истории администрации и внутреннего развития России в царствование Императрицы *Екатерины II*. Здесь ниже приводятся, в виде образца, некоторые из суждений Совета по делам этого рода, относящиеся к обеспечению народного продовольствия, учреждению банков, заботам об усилении государственных доходов и разным полицейским распоряжениям, вызывавшемся особыми обстоятельствами.

Заботы о народном продовольствии

Народное продовольствие доставляло немаловажную заботу Совету по случившимся нередко неурожаем в разных местностях России. С этой целью были постоянно представляемы Совету донесения из губерний об урожае или недостатке хлеба. Принимаемые, в случае неурожаев, меры воспособления состояли иногда в запрещении вывоза хлеба за границу, иногда в денежных ссудах, а чаще всего в употреблении избытков одной губернии в пользу другой. Но особенно заботилась Сама Императрица об учреждении, для обеспечения народного продовольствия, запасных магазинов. В 1772 году Она объявила в Совете, что для учреждения могущей случиться, при возвращении в границы после замирения войск, в хлебе дороговизны, желает Её Величество употребить ныне триста тысяч рублей на покупку хлеба и на заведение магазинов по провинциям. Генерал-прокурор представлял на то, что нечаянно, чтоб возвращение войск причинило великую дороговизну, и что легче со всем тем будет употребить на сие четыре, нежели теперь триста тысяч. Посему было рассуждаемо, что войска, хотя б и в всем году мир заключён был, не могу возвратиться прежде будущего, и что потому нет нужды зачинать сие прежде будущей жатвы, и Её Императорское Величество заключила сие Своим на то соглашением и объявлением, что помянутую сумму изволить доставить от Себя (2-го апреля 1772 г.). Из дальнейших рассуждений Совета видно, что запасные магазины уже существовали во многих губерниях, как-то: С.-Петербургской, Рижской, Смоленской и Псковской.

Переходя к обозрению финансовых дел по протоколам Совета, должно заметить, что в виду обширных предприятий Императрицы, внешних и внутренних, требовавших значительных средств, Она не только предлагала Совету проекты манифестов по этой части, но также обращалась к нему для разрешения представлявшихся Ей финансовых вопросов, как-то: относительно кредитных учреждений, займов, медных денег, усиления государственных доходов, и проч.

Банки

В самый год учреждения Совета открыты были ассигнационные банки в С.-Петербурге и Москве, с капиталом в один миллион рублей, причём им повелено было выпустить в народное обращение такую же сумму ассигнациями. Ассигнации эти должны были иметь одинаковую стоимость с золотою и серебряною монетою, и в облегчение их размена учреждены были губернские конторы означенных банков. Но вследствие чрезмерного выпуска ассигнаций, курс их с течением времени очень понизился, не смотря на постоянную заботливость Совета к его возвышению, чрез умножение количества медной монеты, чрез приём ассигнаций в уплату податей и других казённых взносов и т.п. Независимо от этой операции, оказавшейся недостаточною для воспособления государственным нуждам, правительство приступило, с одной стороны, к преобразованию кредитных учреждений, основанных Императрицею *Елизаветою Петровною*, под именем дворянского и коммерческого банка, в так называемый заёмный банк, а с другой стороны, обращалось неоднократно к заграничным займам. Что касается до заграничных займов, то из протокола Совета 27 мая 1770 г. видно, что комиссионеры правительства по этому предмету, для успеха своего посредничества, добивались поручительства в займе со стороны ассигнационных банков. Посему, 7 июня того же года, Её Императорское Величество, присутствуя в Совете, изволила сделать вопрос: «почитать ли банк государственных ассигнаций выменною медной монетою конторою и оставить его в теперешнем состоянии, или его привести в такое положение, чтобы он приносил государству пользу? Если сие последнее взять основанием, то для чего ж оставлено требуемое датским банкиром поручительство оногo? Я желаю знать – заключила Государыня – воспрепятствовавшие тому причины». Генерал-фельдцейхмейстер на то донёс, что требуемое от банка поручительство оставлено до времени потому, что заимодавец поставил оное кондиционально в своих предложениях, и что в читанном пред сим проекте акта сопряжены были два предмета, то есть о поручительстве банка и о присоединении к оному дворянских банков, что на последнее поступить вдруг не можно, ибо сила и союз банка во всех частях государства и большие денежные обороты могут причинить революцию в ценах всех продуктов, а посему и необходимо должно войти в рассмотрение всех статoв; что он не признаёт большой пользы от великого обращения денежных капиталов и что кредит банка поручительством его

умален, не увеличен быть не может. Её Императорское Величество изволила читать потом помянутый проект акта. Вице-президент граф Чернышев предложил, что поручительство банка почитает он предосудительным персоне Её Величества, потому что не банку за Её Величество, как от Неё установленному, но Ей за банк, в случае, ежели бы он занимал, как установительнице оно, поручаться надобно. Её Императорское Величество ответствовала на это: «Моё желание состоит в том, чтоб не персоне государя, но государству верили. Я виды свои далее распространяю». Граф Чернышев донёс на сие, что приведение банка в лучшее состояние находит он нужным, но что потребно начать то с внутреннего распоряжения, а не снаружи. Действительный тайный советник граф Панин представил после того, что нет теперь большой надобности в поручительстве банка, и что весьма полезно, однако ж соединение всех банков под одно правление, дабы, получа тем силу и кредит, лучше соответствовал он полагаемому при его установлении намерению. Выслушав сие, Её Величество изволила сделать сие заключение: «из всех ваших рассуждений вижу Я, что надлежит сделать два проекта актов: один о соединении банков и снабжении правления оных такими преимуществами, чтоб оно всеми выгодами пользоваться и кредит свой распространять могло, а другой о уполномочении оно, на случай могущей быть нужды, в чинении им займов и поручительства в пользу государства». К сожалению, из последующих протоколов не видно, какие результаты имели этим любопытные рассуждения в Совете.

Табели государственным доходам и расходам

Для обсуждения ежегодных финансовых потребностей государства, составлялись и читались в Совете, в конце года, таблицы государственным доходам, расходам и остаткам с росписью, сколько которому месту принадлежит доходов, показанных в этой таблице принадлежащими разным правлениям, с исчислением о суммах остаточных казначейств, какие из них расходы осталось произвести в конце текущего года и полагается произвести в будущем, и с ведомостями как чрезвычайным расходам, остающимся к выполнению к будущему году, так и чрезвычайным расходам нового года. Образец рассмотрения таких таблиц и рассуждений по ним представляет протокол 19 ноября 1789 г., из которого видно, что на 17920 г. предполагалось доходов 44.433.553 р. 22 к., а штатных расходов 38.856.668 р. 63 $\frac{1}{2}$ к., в виду же чрезвычайных расходов открывался недостаток в 15.865.663 р. 22 $\frac{1}{4}$ к.

Меры к увеличению государственных доходов

Оказавшийся по бюджетам недостаток в денежных средствах заставлял Совет к покрытию его обдумывать меры, которые, быв не отяготительны народу, содействовали бы, однако к увеличению государственных доходов. Нередко прибегали к выпуску новых ассигнаций. Что касается до других мер, то отвергнув предположения об удержании известных процентов из жалованья чиновников, о взимании денег за рекрутскую повинность, о сборе подушной подати хлебом для продажи оного на счёт казны и проч., Совет остановился на возвышении прямых и косвенных налогов. Таким образом подушная подать увеличена с 70 коп. на рубль; на вино прибавлена рублёвая подать, увеличен акциз на соль. Необходимо, однако заметить, что против возвышения того и другого налога возражала Сама Императрица. Так в 1769 г., когда князь Вяземский предложил, что по расписанию потребно на этот год на чрезвычайные расходы более шести миллионов, на будущий же год неостанет 2.9200.000 руб., и потому представлял об изыскании средств, как сей недостаток вознаградить, и когда в Совете зашла речь о прибавке подушного оклада, Её Величество изволила объявить, что Она на сие согласиться не может и почитает сие за последний ресурс, которого, без самой крайности, употреблять не надлежит, а чтоб изыскать другие «для народа легчайшие средства» (23-го апреля 1769 г.). Точно также, по прочтении доклада о накладке на вино, Её Императорское Величество приказала Совету объявить, что Она прежде нежели оный доклад подтверждает, желает, чтоб Совет рассмотрел поданные генерал-прокурором ведомости о всех государственных приходах и расходах, не можно ль чрез уменьшение иных расходов некоторую получить выгоду, дабы сим способом облегчить народ в рассуждении новой накладки и оную заменить; если же Совет не найдёт никаких других способов к изысканию сего, то в таком случае по необходимости представленный доклад будет подтвержден (3-го сентября 1769 г.). И так лишь настойчивые объяснения Совета (1 мая 1783 г.) и убеждение в улучшившемся состоянии разных классов, вследствие дарованных им Государыней льгот, решили Её утвердить доклады относительно возвышения налогов.

Полицейские предосторожности и меры

Волнения в Польше, которые в глазах императрицы и Совета были выражением беспокойного характера народа, побуждали правительство воспрещать русским поездки в смежные польские земли, а обывателей Польши удерживать от приезда в Россию. Но особенно обращено было внимание на предупреждение, посредством полицейских мер, вторжения к нам идей, породивших французскую революцию. Узнав из посольских донесений, что гувернёр сына графа Строганова, находившегося в Париже, француз Ром, вози своего воспитанника в клуб Якобинцев и Пропаганды, «учреждённый для взбунтования везде народов против власти и властей», Императрица поручила Совету внушить графу Строганову, «чтобы он сына своего из таких зловредных рук высвободил». По этому поводу Совет рассуждал, что «как находящиеся ныне в Париже Россияне суть большею частью воспитанники С.-Петербургской Академии Художеств, то и нужно бы начальником тех мест, кои воспитанников своих посылают в чужие края, для вящего в науках или художествах усовершенствования, сделать внушение о неудобности таковым молодым людям быть теперь во Франции, и что пока неурядица тамошняя не пресекутся, лучше отправлять их в Италию или другие места» (26-го августа 1790 г.).

В 1792 г., по случаю полученного из Генуи от поверенного в делах Лизакевича сообщения о партикулярном отзыве тамошнего французского министра одному своему приятелю, будто для отвращения внимания России от дел его отечества послано оттуда в Москву несколько человек самых проворных людей для взбунтования дворянства, и будто руководство таковыми подсылными поручено г. Сегюру, Совет рассуждал, что хотя сие известие кажется вообще совсем невероятным, однако, «по причине господствующей теперь во Франции развратности мыслей, осторожность требует, чтоб за поведением и отзывами приезжающих оттуда в обе Российские столицы людей, коих прямое состояние неизвестно, был особый неперемный присмотр» (2-го февраля 1792 г.).

В том же году, 1 марта, в Совет прислана была Императрицею записка следующего содержания: «объявить Совету, что усмотря из сегодняшней почты, что княгиня варвара Шаховская, давно уже живучи в Париже, выдала дочь свою за князя Аремберга без ведома Ея Величества, и что они едут в Россию, то Ея Величеству угодно было дать приказание на границах Своей Империи, дабы выше реченный князь Аремберг в Россию пропущен

не был; обеим же княгиням не запрещено возвратиться в отечество. Причина, по которой не угодно Ея Величеству, чтоб князь Аремберг коснулся края Ея империи, есть та, что он уже участником был двух бунтов: французского и брабантского, где едва-ли и ныне ещё показаться смеет, да и в Париже был всегда в тесной связи с орлеаном и его сволочью». Далее было сказано: «о имени княгини Шаховской Ея Величество прикажет сделать распоряжение, сходственное с законом и благом Империи для ограждения и сохранения спокойствия впредь в недрах её; ибо множество браков дворянских дочерей жен с иноверными заставляют опасаться, ежели дети таких браков не будут воспитаны в господствующей вере и в России, то последовать сможет современно вредное замешательство, пресекая единообразие мысли и вводя вместо того совершенное недоразумение между владельцев и подданных. Князю же Арембергу и его потомству, ежели оно не будет воспитано в России и в вере православной, здравая политика не дозволяет ни под каким видом коснуться до владения именем, состоящим слишком в 13.000 душах в Перми, и вселить в них, от чего Боже сохрани, разврат и колебание». Совет, выслушав сию записку, рассуждал, что князя Арембергского, как такового человека, который уже был замешан в двух бунтах и следовательно должен быть развратного и опасного образа мыслей и поведения, не впускать в пределы здешней Империи и полезно, и нужно, и что в предупреждение тех неудобств, кои непременно произойти должны от продолжения и умножения браков российских дворянских дочерей и жен с иностранными, не менее надобно (как то Ея Императорское Величество, имея в виду попечение о благе своего государства, и предполагать изволить) учинить распоряжение не только относительно воспитания детей их в вере православной, но и касательно имени их, дабы иначе, без положения надлежащей преграды, иностранные не сделались властелинами некоторой части недвижимых имений здешних, чтобы и было во вред государству».

В 1793 году 7 февраля, Совету были предложены заготовленные (по поводу неустойств Франции) проекты указа Сенату и присяги, которую должны учинить остающиеся в России Французы. Совет, выслушав сии проекты, находил весьма приличными содержащиеся в них предписания, яко меры, коих требуют честь и достоинство Здешнего Императорского двора, и то справедливое омерзение, которое возбуждается нынешним во Франции буйством и злоупотреблениями. Но приняв такие меры и запретив иметь торговое и всякое с Францией сообщение, по мнению Совета, не бесполезно и нужно воспользоваться сим случаем для учинения

здесь ещё некоторых внутренних распоряжений, а именно: француженкам, разными товарами торгующим (*marchandes des modes*), кои грабят и разоряют дома, по легкомыслию к модам привязанные, совсем запретить иметь в России лавки и продавать товары оные, хотя бы сии женщины и учинили помянутую присягу. Согласно с сим заключением Совета, о таком запрещении и упомянуто было в манифесте 8-го февраля 1793 г.

Содержание

Историческая записка о Совете в царствование императрицы Екатерины II-й Иларион Алексеевич Чистович	1
Учреждение Совета	2
Состав Совета	4
Дни собраний Совета	6
Протоколы Совета	7
Систематическое описание протоколов Совета	8
I. Первая турецкая война	9
Молдавия и Валахия	10
Татары	11
Предложения о мире	13
II. Польские дела	16
Положение дел и Русская политика в Польше	17
1) При князе Н. В. Репнине	18
2) При князе М. Н. Волконском	19
3) При Салдерне	20
Акты соглашения России с Пруссией и Австрией по польским делам и первый раздел Польши.	21
III. Внутренние события во время первой турецкой войны	26
Моровая язва	27
Бунт Пугачёва	31
IV. Вторая Турецкая война	35
Вступление России в союз с Римским императором	36
Отклонение предлагаемого Пруссией посредничества в примирении России с Турцией	37
Проект союза с Бурбонскими дворами	38
V. Война со Швецией	39
Предложение об отделении Финляндии от Швеции	40
Суд над адмиралом Чичаговым	42
VI. Второй раздел Польши	43
Тарговицкая конфедерация	45
Война с Польшей 1792 г.	46
VII. Третий раздел и падение Польши	50
VIII. Рассуждения и распоряжения Совета по поводу	

VIII. Рассуждения и распоряжения Совета по поводу французской революции	52
Заботы о народном продовольствии	56
Банки	57
Табели государственным доходам и расходам	59
Меры к увеличению государственных доходов	60
Полицейские предосторожности и меры	61